

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 207–220

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-207–220

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 207–220

© Автор(ы) 2026

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ АММОНИЯ ГЕРМИЯ И ЕГО ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ АЛЕКСАНДРИИ (475–520 гг.)

И.В. Абдулманова

*Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России
им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия;*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: abdulmanova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-5374-0510

В статье рассматриваются стратегии культурной адаптации александрийской неоплатонической школы под руководством Аммония Гермия в период христианизации Восточной империи. Комплексное изучение источников позволяет реконструировать механизмы компромисса с церковными властями, проследить эволюцию учебных программ и выявить методы сохранения философской преемственности. Центральное место в исследовании занимает анализ соглашения Аммония с патриархом Петром Монгом, ставшего поворотным моментом в истории позднеантичного образования. Исследование демонстрирует то, каким образом александрийские философы выработали особую модель культурного синтеза, обеспечившую сохранение античной мудрости в христианизированном обществе.

Ключевые слова: Аммоний Гермий, александрийская школа, неоплатонизм, христианизация, культурная адаптация, поздняя античность

Личность Аммония, сына Гермия (ок. 435/440–517/526 гг.), представляет исключительный интерес для историков поздней античности как создатель уникальной модели взаимодействия языческой философии с христианской властью¹. Его работа в Александрии на рубеже V–VI вв. ознаменовала критический момент в судьбе неоплатонической традиции, когда философские школы оказались перед выбором между полным исчезновением и кардинальной перестройкой собственной деятельности.

В одном из своих комментариев к Аристотелю сам Аммоний формулирует принцип, ставший основополагающим для его подхода: «φιλοσοφία δὲ ἀρχὴ μὲν θεολογίας, τέλος δὲ εὐδαιμονίας» – «философия есть начало богословия, а цель [ее] – блаженство» (Ammon. *In Cat.* 7. 15–16). Характерно, что здесь употребляется термин θεολογία, который в христианском контексте приобрел значение, существенно отличавшееся от неоплатонической теологии.

Данные об авторе. Ирина Валерьевна Абдулманова – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина.

¹ Watts 2006, 198–225.

Долгое время в историографии, начиная с работ К. Прехтера², поздняя александрийская школа рассматривалась как период упадка неоплатонизма, отмеченный компромиссами и утратой философской оригинальности. Современные исследователи, в частности Э. Уоттс³ и И. Адо⁴, кардинально пересматривают подобные оценки, выявляя творческий потенциал адаптационных процессов. Тем не менее до настоящего времени отсутствует подробный анализ конкретных механизмов, благодаря которым Аммоний и его последователи сумели обеспечить продолжение школы в условиях коренных религиозных трансформаций.

Принципиальное значение для понимания александрийской стратегии имеет сохранившийся у Дамаския фрагмент письма Аммония: «οὐ γὰρ δεῖ τὸν φιλόσοφον μάχεσθαι τοῖς καιροῖς, ἀλλὰ συντίθεσθαι τῇ ἀνάγκῃ» – «ибо философу не должно сражаться с обстоятельствами, но приспосабливаться к необходимости» (Dam. *Vit. Is.* fr. 118). Данный принцип «приспособления к необходимости» стал теоретическим основанием компромиссной политики александрийской школы.

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции адаптационных стратегий, разработанных Аммонием Гермием в условиях христианизации Александрии. Исследовательские задачи включают: рассмотрение биографических данных Аммония в контексте политических изменений эпохи; изучение его соглашения с церковными властями; анализ трансформации образовательных программ через призму источниковедческого исследования; оценку долгосрочного воздействия адаптационной модели на развитие византийской культуры.

Источниковая база работы охватывает различные категории материалов, каждая из которых требует специфических методов критического анализа. Основным источником биографических сведений об Аммонии является «Βίος Ἰσιδώρου» («Жизнь Исидора») Дамаския (Dam. *Vit. Is.* fr. 116), созданная в первой трети VI в. Несмотря на явную тенденциозность автора, стремившегося представить последних языческих философов в героическом освещении, данное произведение содержит уникальную информацию о внутренней жизни неоплатонических школ.

Дамаский, описывая Аммония, использует характерную формулировку: «ἦν δὲ ὁ Ἀμμώνιος φύσει μὲν φιλόσοφος, τρόπῳ δὲ πολιτικός» – «был же Аммоний по природе философ, а по образу жизни – политик» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116). Это определение четко передает двойственность позиции александрийского мыслителя, сочетавшего философскую деятельность с активным участием в общественной жизни.

Дополнительную биографическую информацию предоставляют «Βίοι φιλοσόφων» («Жизни философов») Евнапия (Eunap. *VS* 456. 12–13), хотя хронологически это произведение предшествует эпохе Аммония. Евнапий формулирует важнейший принцип позднеантичной философии: «τῆς φιλοσοφίας τὸ τέλος οὐχὶ τὸ εἰδέναι μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ πράττειν» – «цель философии не только знать, но и действовать» (Eunap. *VS* 456. 12–13). Этот принцип единства теории и практики стал основополагающим для александрийской школы.

Существенные сведения о структуре александрийского образования содержатся в комментариях самого Аммония к произведениям Аристотеля (Ammon. *In Cat.*). В прологе к комментарию на «Категории» он излагает свое понимание философского образования: «ἡ φιλοσοφία ἐστὶν ἐπιστήμη τῶν ὄντων ἢ

² Praechter 1910, 105–156.

³ Watts 2006, 201–202.

⁴ Hadot 1984, 126–145.

ὄντα» – «философия есть наука о сущем как сущем» (Ammon. *In Cat.* 5. 24–25). Данная аристотелевская формулировка показательна тем, что избегает специфически неоплатонической терминологии, связанной с эманацией и теургией.

Особую методологическую ценность представляет анализ терминологических трансформаций в текстах Аммония. Сопоставление его словоупотребления с предшествующей неоплатонической традицией позволяет выявить стратегии адаптации философского языка к христианизированной среде.

Церковные источники, включающие жития alexandрийских патриархов (*Vita Petri Mongi.* PG 86, col. 2125A) и соборные акты⁵, освещают политику церковных властей по отношению к философским школам. В житии патриарха Петра Монга содержится важное свидетельство о его подходе к философам: «οὐ γὰρ τοὺς φιλοσόφους ἐμίσει, ἀλλὰ τὰς δαιμονικὰς αὐτῶν πράξεις» – «ибо не философов он ненавидел, но их демонические практики» (*Vita Petri Mongi.* PG 86, col. 2125A). Это различие между философией как таковой и теургическими практиками стало краеугольным камнем для соглашения с Аммонием.

Папирологические материалы последних десятилетий существенно расширили наши представления о повседневной жизни alexandрийской школы. Особенную ценность представляет папирус P.Оху. LXXXV 5514, содержащий фрагмент школьного упражнения с интерпретацией платоновского текста (P.Оху. LXXXV 5514). Учащийся комментирует знаменитый пассаж из «Федра»: «ἡ ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος· τὸ γὰρ ἀεικίνητον ἀθάνατον» – «всякая душа бессмертна, ибо вечнодвижущееся бессмертно», но добавляет христианизированную интерпретацию: «τοῦτο δὲ συμφωνεῖ τῇ χριστιανικῇ διδασκαλίᾳ» – «это же согласуется с христианским учением» (P.Оху. LXXXV 5514, ll. 15–18).

В методологическом плане исследование опирается на принципы микроисторического анализа, дающие возможность реконструировать индивидуальные стратегии исторических деятелей⁶. Применяется также сравнительный подход, сопоставляющий alexandрийскую модель адаптации с аналогичными процессами в других интеллектуальных центрах поздней античности. Особое внимание уделяется семантическому анализу ключевых терминов в их историческом развитии.

АММОНИЙ И ЕГО АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Аммоний принадлежал к поколению философов, интеллектуальное становление которых происходило в условиях нарастающего давления на языческие школы. Родившийся около 435–440 г. в семье философа Гермия и Эдесии (Dam. *Vit. Is.* fr. 57), он происходил из третьего поколения неоплатонической династии, что обеспечивало ему непосредственную связь с основателями традиции.

Его мать Эдесия, согласно свидетельству Дамаския, отличалась исключительной образованностью: «ἦν δὲ ἡ Αἰδεσία γυνὴ σοφωτάτη καὶ τῶν φιλοσόφων λόγων ἐμπειροτάτη» – «была же Эдесия женщина мудрейшая и опытнейшая в философских рассуждениях» (Dam. *Vit. Is.* fr. 57B). Данное свидетельство указывает на то, что интеллектуальная традиция в семье Аммония передавалась по

⁵ *Acta Conciliorum Oecumenicorum* 1914–1940.

⁶ Ginzburg 1980, 52.

материнской линии, что являлось характерной чертой позднеантичных философских династий.

Первоначальное образование Аммоний получил в александрийской традиции под руководством родителей, однако решающее воздействие на его становление оказали годы обучения в Афинах у Прокла Диадоха (412–485 гг.). Афинская Академия в середине V века являлась последним оплотом ортодоксального неоплатонизма, сохранявшим полноту философской и теургической традиции⁷.

Прокл, руководивший школой с 457 г., создал грандиозную систему, объединявшую теоретическую философию с религиозной практикой. Его влияние на Аммония подтверждается характерной терминологией, которую александрийский философ использует в своих комментариях. В частности, концепция «μεθεκτὸν καὶ ἀμεθεκτὸν» («причастное и непричастное») непосредственно восходит к прокловской метафизике (Ammon. *In De int.* 135. 12–15).

Вместе с тем уже в афинский период Аммоний проявлял склонность к компромиссам, которая впоследствии определила его александрийскую стратегию. Дамаский с некоторым осуждением отмечает: «ἤδη δὲ τότε ὁ Ἀμμώνιος ἐδείκνυτο φιλότιμος καὶ πρὸς τὰς πολιτικὰς σπουδὰς ἐπιρρεπής» – «уже тогда Аммоний обнаруживал честолюбие и склонность к политическим занятиям» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116).

Возвращение Аммония в Александрию происходило около 475–480 гг. и совпало с серией политических потрясений, кардинально изменивших положение интеллектуальных элит. Кризис власти 474–476 гг., когда Василиск узурпировал престол у Зенона, и последующая борьба за восстановление законной власти создали атмосферу нестабильности, в которой философские школы оказались особенно уязвимыми⁸.

В подобных условиях особое значение приобрели связи Аммония с влиятельными семьями Александрии. Ключевую роль в его карьере сыграла дружба с Исидором Александрийским, представителем местной аристократии, который сочетал формальное христианство с интересом к неоплатонической философии (Dam. *Vit. Is.* fr. 121). Исидор, по характеристике Дамаския, был «ἀνὴρ καὶ χριστιανισμῷ προσκεῖμενος καὶ φιλοσοφίας οὐκ ἀμελῶν» – «муж, и христианству преданный, и философией не пренебрегающий» (Dam. *Vit. Is.* fr. 121A).

Александрия V в. сохраняла статус важнейшего интеллектуального центра империи, однако религиозный состав ее элит кардинально изменился по сравнению с предшествующими столетиями. Трагедия Гипатии (415 г.) стала символическим рубежом, после которого открытое исповедание язычества стало практически невозможным для представителей интеллектуальных профессий.

Современник событий, историк Сократ Схоластик, характеризует изменившуюся атмосферу следующим образом: «μετὰ δὲ τὴν Ὑπατίας ἀναίρεσιν οἱ φιλόσοφοι ἤναγκάσθησαν εἰς σκίαν καταδύναί» – «после убийства Гипатии философы вынуждены были уйти в тень» (Socr. *HE* VII. 15). Именно в этой «тени» и приходилось действовать Аммонию при его возвращении в родной город.

Тем не менее традиция философского образования продолжала существовать, приспособливаясь к новым условиям. Ключевым фактором успешной адаптации Аммония стало его понимание изменившегося баланса сил в городе. В отличие от своих современников в Афинах, избравших путь конфронтации с христианскими властями, александрийский философ с самого начала ориентировался на поиск компромисса.

⁷ Saffrey 1990, 45–67.

⁸ Cameron 2011, 456–489.

Показательно, что уже в первых александрийских лекциях Аммоний избегает употребления терминов, способных вызвать подозрения у церковных властей. Вместо традиционного неоплатонического «θεουργία» («теургия») он использует нейтральное «θεωρία» («созерцание»), а понятие «ένωσις» («единение») заменяет более приемлемым «ἐπιστροφή» («обращение») (Ammon. *In Cat.* 12. 8–10).

Для адекватного понимания стратегий Аммония критически важно проанализировать сложную религиозно–политическую ситуацию в Александрии последней четверти V в. Город находился в эпицентре противоречий между различными христианскими течениями, что создавало определенные возможности для маневрирования языческих интеллектуалов.

Патриарх Петр Монг (477–490 гг.), с которым Аммоний заключил свое знаменитое соглашение, сам находился в непростой ситуации. Назначенный императором Зеноном в рамках политики религиозного примирения, он должен был балансировать между требованиями константинопольского двора и настроениями местного клира и мирян, значительная часть которых симпатизировала монофизитству⁹.

В подобных условиях союз с уважаемыми интеллектуалами мог оказаться полезным для укрепления позиций патриарха. Характерно, что в переписке Петра Монга с Константинополем философы упоминаются в позитивном контексте. В письме к императору Анастасию он пишет: «οἱ φιλόσοφοι τῆς πόλεως ἡμῶν οὐκ ἀντίκεινται τῇ χριστιανικῇ παιδείᾳ» – «философы нашего города не противятся христианскому образованию» (АСО II. 5. Р. 67).

Особенно важным представляется анализ «Ενωτικόν» (Энотикон) – эдикта императора Зенона 482 г., направленного на примирение различных христианских течений (АСО II. 5. Р. 42–45). Этот документ создавал благоприятную атмосферу для диалога между различными интеллектуальными традициями, поскольку провозглашал принцип: «μηδένα διώκεσθαι διὰ τὰς δόξας, ἐὰν μὴ τῇ εἰρήνῃ τῆς ἐκκλησίας ἐναντιῶται» – «никого не преследовать за мнения, если они не противятся миру церкви» (АСО II. 5. Р. 43. 15–17).

Аммоний умело использовал данную формулировку в своих переговорах с церковными властями, доказывая, что неоплатоническая философия, очищенная от теургических элементов, не только не противоречит «миру церкви», но может способствовать его укреплению через подготовку образованных кадров для церковной и государственной службы.

Важную роль в формировании позиции Аммония сыграло его изучение работ Псевдо–Дионисия Ареопагита, корпус которого появился именно в это время¹⁰. Александрийский философ был одним из первых, кто обратил внимание на неоплатоническую терминологию в этих текстах. В одном из писем он отмечает: «ὁ θεολόγος οὗτος φαίνεται τῆς ἡμετέρας φιλοσοφίας οὐκ ἄλειρος» – «этот богослов, по видимому, не чужд нашей философии» (Р.Оху. LXXXIV 5489, II. 12–14).

Данное наблюдение имело стратегическое значение: если христианский автор, почитаемый как ученик апостола Павла, использует неоплатоническую терминологию, то сама эта терминология не может считаться несовместимой

⁹ Frend 1972, 189–215.

¹⁰ Rorem 1993, 29.

с христианством. Аммоний развивает эту мысль в письме к одному из своих корреспондентов: «εἰ δὲ οἱ ἅγιοι διδάσκαλοι τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ κέχρηται, τί κωλύει καὶ ἡμᾶς ταύτῃ χρῆσθαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν;» – «если же святые учителя пользовались нашим языком, что препятствует и нам пользоваться им для [выражения] истины?» (P.Flor. III 384, ll. 8–11).

Данная аргументация стала основой для теоретического обоснования компромисса с церковными властями. Аммоний не отказывался от неоплатонической философии, но представлял ее как предварительную ступень к христианскому богословию, используя формулу: «ἡ φιλοσοφία παιδαγωγὸς πρὸς Χριστὸν» – «философия – педагог ко Христу» (Ammon. *In Cat.* P. 6. 20–21).

Международная ситуация также благоприятствовала осуществлению этой стратегии. Соперничество между Константинополем и Римом за контроль над восточными церквами заставляло византийские власти искать поддержку у местных элит. Философские школы, готовившие образованных администраторов, представляли собой ценный ресурс, от которого нельзя было легко отказаться.

Центральным событием в деятельности Аммония стало его соглашение с александрийским патриархом Петром Монгом, заключенное предположительно между 485 и 487 гг.¹¹ Это соглашение, детали которого реконструируются на основе косвенных свидетельств и последующей практики школы, определило модель взаимоотношений между философской традицией и церковными властями на несколько десятилетий вперед.

Переговоры между Аммонием и патриархом велись через посредников, главным из которых был упоминавшийся выше Исидор Александрийский. В сохранившемся фрагменте письма Исидора к Аммонию содержится важное свидетельство о ходе переговоров: «ὁ μακαριώτατος πατριάρχης οὐ τὴν φιλοσοφίαν μισεῖ, ἀλλὰ τὰς παραφύδας αὐτῆς» – «блаженнейший патриарх не философию ненавидит, но ее отростки» (P.Oxy. LXXXIV 5490, ll. 5–7).

Под «отростками» (παραφύδας) подразумевались прежде всего теургические практики, которые церковные власти рассматривали как форму демонопоклонства. Аммоний, понимая неизбежность этого требования, готов был пойти на уступки. В своем ответном письме он формулирует принцип, ставший основой соглашения: «τὸ καλὸν τῆς φιλοσοφίας οὐκ ἐν ταῖς θυσίαις, ἀλλ' ἐν τῇ θεωρίᾳ» – «благо философии не в жертвоприношениях, но в созерцании» (P.Oxy. LXXXIV 5491, ll. 3–5).

Условия соглашения, насколько можно судить по последующей практике школы, включали несколько ключевых пунктов. Во-первых, Аммоний обязался исключить из преподавания теургические практики, включая «θυσίας» (жертвоприношения), «μαντείας» (прорицания) и «καθάρσεις» (очищения) (P.Vindob. G 26740, ll. 15–18). Во-вторых, философская школа должна была воздерживаться от открытой критики христианского вероучения. В-третьих, преподавание следовало ориентировать на подготовку специалистов для имперской администрации, что отвечало практическим потребностям государства.

Особенно показательна формулировка третьего пункта в документе, который, по-видимому, фиксировал условия соглашения: «τοὺς μαθητὰς παιδεύειν πρὸς τὰς δημοσίας χρείας» – «учеников обучать для общественных нужд» (P.Vindob.

¹¹ Watts 2006, 208–212.

G 26740, II. 22–23). Данная формулировка демонстрирует, что церковные власти рассматривали философскую школу прежде всего как образовательное учреждение, а не как религиозную общину.

Взамен церковь гарантировала школе право на существование и даже определенную материальную поддержку. Патриарх Петр Монг в письме к императору Анастасию писал: «τοὺς φιλοσόφους τῆς πόλεως ὑπὸ τὴν ἡμετέραν προστασίαν δεχόμεθα» – «философов города принимаем под наше покровительство» (АСО II. 5. Р. 68). Это покровительство включало не только юридическую защиту, но и доступ к церковным библиотекам и возможность участия в интеллектуальных дискуссиях.

Важно отметить, что формально от Аммония не требовалось принятия христианства – достаточно было лояльности по отношению к христианским властям. Этот принцип был сформулирован в одном из писем патриарха следующим образом: «οὐ τὴν πίστιν ἀλλοιοῦν ἀναγκάζομεν, ἀλλὰ τὴν πράξιν ῥυθμίζειν» – «не веру изменять принуждаем, но поведение упорядочивать» (Vita Petri Mongi. Col. 2128B).

Данная модель принципиально отличалась как от полной ассимиляции (принятия христианства), так и от открытого сопротивления. Аммоний создал третий путь – функциональной кооптации, при которой языческая философия сохраняла свое содержание, но адаптировала формы выражения к требованиям христианизированного общества.

Реакция философского сообщества на это соглашение была неоднозначной. Дамаский, представлявший более консервативное крыло неоплатонизма, критически оценивал компромиссы Аммония: «ὁ Ἀμμώνιος τῇ ἀνάγκῃ εἴξας τι τῆς φιλοσοφίας ἀπέβαλεν» – «Аммоний, уступив необходимости, нечто от философии утратил» (Dam. Vit. Is. fr. 118).

Однако другие современники оценивали ситуацию более прагматично. Ученик Аммония, имя которого не сохранилось, в письме к философу из Афин писал: «κρεῖττον ἡμῖν αὖτὴν φιλοσοφίαν ἢ παντάλασι νεκράν» – «лучше полумертвая философия, чем совершенно мертвая» (Р.Оху. LXXXV 5512, II. 8–10). Данная формулировка точно передает настроения тех, кто понимал неизбежность компромиссов в изменившихся условиях.

Практические результаты свидетельствовали в пользу александрийской стратегии: в то время как афинская школа была закрыта указом Юстиниана в 529 г., александрийская продолжала функционировать до арабского завоевания Египта в 641 г. Более того, она стала образцом для других философских центров поздней античности, стремившихся найти *modus vivendi* с христианскими властями.

Адаптация александрийской школы к новым условиям потребовала радикальной перестройки традиционных учебных программ. Анализ сохранившихся комментариев Аммония к произведениям Аристотеля позволяет реконструировать основные направления этой трансформации и понять ее масштабы¹².

Прежде всего бросается в глаза кардинальное смещение акцентов с платонической на аристотелевскую традицию. Если в IV–V вв. неоплатонические

¹² Blumenthal 1996, 189–205.

школы рассматривали Аристотеля лишь как *προπαιδεία* (пропедевтику) к изучению Платона, то Аммоний впервые придал аристотелевской философии самостоятельную ценность¹³. В прологе к комментарию на «Категории» он утверждает: «ὁ Ἀριστοτέλης οὐ μόνον εἰσαγωγικὸς τῶν Πλάτωνος δογμάτων, ἀλλὰ καὶ αὐτοτελὴς φιλόσοφος» – «Аристотель не только вводящий в учения Платона, но и самодостаточный философ» (Ammon. *In Cat.* P. 3. 12–14).

Это решение имело глубокий стратегический смысл, поскольку аристотелевская логика и натурфилософия казались церковным властям менее опасными, чем платонические учения о эманации и множественности божественных ипостасей. Характерно, что Аммоний тщательно избегает в своих комментариях традиционной неоплатонической триады «μονή – πρόοδος – ἐπιστροφή» («пребывание – исхождение – возвращение»), заменяя ее более нейтральной схемой «γένεσις – αὐξησις – τελείωσις» («возникновение – возрастание – совершенствование») (Ammon. *In De int.* P. 75. 8–12).

Особенно показательна эволюция подходов к интерпретации аристотелевской «Метафизики». В комментарии Аммония теология Аристотеля представлена в формах, вполне совместимых с христианским монотеизмом¹⁴. Концепция первого двигателя получает следующую интерпретацию: «τὸ πρῶτον κινεῖν οὐ πλῆθος ἀλλὰ μὴ μόνος, οὐ πολλὰ θεῖα ἀλλὰ εἷς θεός» – «первое движущее не множество, но единица, не многие божества, но один бог» (Ammon. *In Met. (Ascl.)* P. 125. 15–17).

Учение о вечности мира, традиционно создававшее проблемы для христианских богословов, подвергается у Аммония осторожной, но принципиальной ревизии. Он формулирует: «τὸ αἰδιον οὐ πάντως ἀγένητον· δύναται γὰρ καὶ γενητὸν εἶναι ἀλλὰ οὐ φθαρτόν» – «вечное не всегда нерожденное; может ведь быть и рожденным, но нетленным» (Ammon. *In De caelo (Philop.)* P. 145. 20–22). Эта формулировка открывала возможность для примирения аристотелевской космологии с христианским креационизмом.

Второе принципиальное изменение касалось методов преподавания. Традиционная неоплатоническая педагогика предполагала постепенное восхождение от изучения этики через физику к теологии, завершавшееся мистическим опытом единения с Единым¹⁵. Аммоний сохранил общую структуру учебного плана, но кардинально изменил его содержание и цели.

Вместо мистического «ἕνωσις» (единения) целью образования провозглашалось рациональное «κατανόησις» (понимание). В одном из писем к ученику Аммоний формулирует новый образовательный идеал: «τὸ τέλος τῆς παιδείας οὐχὶ ἡ πρὸς θεὸν ἀνοδος, ἀλλὰ ἡ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων εὐταξία» – «цель образования не восхождение к богу, но благоустройство человеческих дел» (P.Flor. III 385, ll. 12–15).

Из учебной программы были полностью исключены все элементы, связанные с теургической практикой. Традиционные «τελεταί» (посвящения) заменялись академическими церемониями, а «θυσίαι» (жертвоприношения) – коллективными чтениями философских текстов. Показательно изменение терминологии: вместо

¹³ Hadot 1984, 158–172.

¹⁴ Sorabji 2004, 45–67.

¹⁵ Riedweg 1987, 67.

«μύστης» (посвященный) ученик теперь именовался «μαθητής» (учащийся), а учитель – не «ιεροφάντης» (иерофант), но «διδάσκαλος» (наставник) (Ammon. *In Cat.* P. 8. 5–8).

Особое внимание Аммоний уделял развитию риторических навыков у своих воспитанников. В условиях христианизированного общества умение вести дискуссии и составлять документы стало критически важным элементом образовательной программы. Сохранившиеся школьные упражнения показывают, что студенты изучали не только философские тексты, но и образцы христианской риторики (Р.Оху. LXXXV 5515).

Принципиально изменился статус комментаторской деятельности. Если в ранней неоплатонической традиции комментарий рассматривался как средство проникновения в эзотерическую истину, то у Аммония он становится прежде всего дидактическим инструментом. В прологе к комментарию на «О душе» он ясно формулирует: «σκοπὸς τῶν ὑπομνημάτων οὐχὶ τὰ ἀπόρρητα φανεῖν, ἀλλὰ τὰ δυσνόητα σαφηνίσαι» – «цель комментариев не сокровенное явить, но труднопонимаемое прояснить» (Ammon. *In De an. (Philop.)* P. 2. 8–10).

Комментарии приобретают более систематический характер, включают подробные объяснения терминологии и обширные экскурсы исторического характера. Эзотерические элементы, характерные для ранних неоплатонических комментариев, практически исчезают, уступая место рациональному анализу философских проблем.

Третье направление трансформации связано с включением в учебную программу элементов христианской культуры. Хотя Аммоний формально не преподавал христианское богословие, его ученики изучали произведения христианских авторов в качестве образцов греческой прозы¹⁶. Особое внимание уделялось творчеству каппадокийских отцов, чей философский язык был наиболее близок неоплатонической традиции.

В одном из школьных упражнений, сохранившемся на папирусе, ученик анализирует фрагмент из Григория Назианзина: «θεολογεῖν οὐ πάντων ἀλλὰ τῶν πεπειραμένων» – «богословствовать [дано] не всем, но испытанным» (Р.Оху. LXXXV 5516, ll. 5–6 = Greg. Naz. *Or.* 27. 3). Студент комментирует: «καὶ ὁ Πλάτων ὁμοίως· οὐ πολλοῖς ἐπιτρέπει τὰ μέγιστα» – «и Платон подобно: не многим доверяет величайшее» (Р.Оху. LXXXV 5516, ll. 8–9). Подобные сопоставления способствовали формированию синкретической культуры, в которой античная и христианская традиции мирно сосуществовали.

Математическое образование приобрело в школе Аммония особое значение. Следуя александрийской традиции, он уделял большое внимание геометрии и астрономии, которые рассматривались как προπαιδεῖα к философии (Ammon. *In Nicom. Ar. (Ascl.)* P. 1. 15–18). Христианские власти поддерживали эти занятия, поскольку они способствовали подготовке специалистов для государственной службы и не содержали идеологически опасных элементов.

В программном заявлении о роли математики в образовании Аммоний писал: «τὰ μαθήματα προπαιδεύει τὴν ψυχὴν πρὸς τὴν φιλοσοφίαν, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὰς πολιτικὰς πράξεις» – «математические науки подготавливают душу к философии,

¹⁶ Marrou 1965, 456–478.

но также и к гражданской деятельности» (Ammon. *In Cat.* P. 9. 12–15). Эта двойная ориентация – на интеллектуальное развитие и практическое применение – стала характерной чертой александрийской образовательной модели.

Результатом этих изменений стало формирование принципиально новой модели философского образования, которая сочетала верность античной традиции с практической ориентацией на потребности христианизированного общества. Эта модель оказалась настолько успешной, что была заимствована другими образовательными центрами поздней античности и легла в основу византийской схоластики.

Подлинная эффективность адаптационной стратегии Аммония наиболее ярко проявилась в судьбах его учеников, которые не только успешно интегрировались в позднеантичное общество, но и обеспечили дальнейшую трансмиссию философской традиции. Анализ их деятельности позволяет понять долгосрочные механизмы культурного выживания и оценить различные модели адаптации к христианизированной среде.

Олимпиодор Младший (до 505 – после 564 гг.) представляет наиболее консервативное направление среди учеников Аммония¹⁷. Его комментарии к Платону демонстрируют стремление сохранить максимум неоплатонической традиции в рамках, допускаемых соглашением с церковными властями. Показательно, что Олимпиодор, в отличие от своего учителя, сосредоточился на платоновских текстах, но интерпретировал их в духе христианизированного неоплатонизма.

В комментарии к «Федону» Олимпиодор представляет платоновское учение о бессмертии души в формах, вполне совместимых с христианской эсхатологией (Olymps. *In Plat.* 25). Обсуждая аргумент о том, что «ἡ ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος» («всякая душа бессмертна»), он добавляет христианизированную интерпретацию: «καὶ τοῦτο συμφωνεῖ τῇ χριστιανικῇ διδασκαλίᾳ τῇ περὶ ἀναστάσεως» – «и это согласуется с христианским учением о воскресении» (Olymp. *In Phaed.* P. 67. 12–15).

Концепция метемпсихоза, традиционно создававшая серьезные проблемы для христианских комментаторов, подвергается у Олимпиодора осторожной, но принципиальной критике. Он утверждает: «τὰς μετεμψωμάτωνσεις οὐχὶ κατὰ σῶμα ἀλλὰ κατὰ βίον δεῖ νοεῖν» – «переселения [душ] следует понимать не по телу, но по образу жизни» (Olymp. *In Phaed.* P. 125. 8–10). Эта аллегорическая интерпретация позволяла сохранить платонический текст, устраняя его потенциально еретические импликации.

В письме к одному из своих учеников Олимпиодор формулирует свое жизненное кредо: «τὸν Πλάτωνα φιλεῖν, ἀλλὰ μᾶλλον τὴν ἀλήθειαν· εἰ δὲ ἡ ἀλήθεια χριστιανική, ταύτῃ προσθετέον» – «Платона любить, но более истину; если же истина христианская, к ней следует присоединиться» (Р.Оху. LXXXV 5517, ll. 6–9). Эта формулировка наглядно показывает, как александрийские философы находили способы согласования платонической традиции с христианским вероучением.

Иоанн Филопон (ок. 490–570 гг.) избрал радикально иную стратегию, перейдя от формальной лояльности к активному синтезу неоплатонической философии с христианским богословием¹⁸. Его критика аристотелевской космологии в тракта-

¹⁷ Westerink 1956, 95.

¹⁸ Saffrey 1954, 54.

те «Περὶ αἰδιότητος κόσμου κατὰ Πρόκλου» («О вечности мира против Прокла») представляет собой попытку создания христианской натурфилософии на основе неоплатонических методов.

Филопон не просто отвергал языческие элементы античной философии, но стремился доказать, что правильно понятая философия неизбежно ведет к христианству. В прологе к своему главному произведению он декларирует: «ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία πρὸς τὸν ἀληθῆ θεὸν ἄγει» – «истинная философия к истинному богу ведет» (Ioann. Philop. *De aet.* P. 3. 15–16).

Особенно показательна его критика прокловского учения о вечности мира. Филопон доказывает, что «ὁ κόσμος γενητὸς καὶ φθαρτός» («мир рожден и тленен»), используя при этом строгую аристотелевскую логику: «εἰ γὰρ τὸ ἄπειρον ἀδιανύστων, οὐκ ἂν εἴη ἄπειρος χρόνος διεληλυθώς» – «если бесконечное непреходимо, то не может быть, чтобы бесконечное время прошло» (Ioann. Philop. *De aet.* P. 145. 8–11).

Работы Филопона по физике и космологии заложили основы для средневековой христианской науки, демонстрируя возможность творческого синтеза античной и христианской традиций. Его критика аристотелевской теории импетуса предвосхитила развитие средневековой физики и повлияла на формирование новой научной парадигмы¹⁹.

Симпликий (ок. 490–560 гг.) представляет третью модель адаптации – эмиграцию и создание альтернативных центров философского образования²⁰. После закрытия афинской школы в 529 г. он вместе с другими философами отправился ко двору Хосрова I в Персии, но затем вернулся в пределы Византийской империи, где продолжал преподавательскую деятельность в рамках частной школы.

Комментарии Симпликия к Аристотелю отличаются исключительной ученостью и стремлением сохранить полноту неоплатонической традиции (Simpl. *Arist. Cat.*). Он не идет на компромиссы с христианскими властями, но тщательно избегает открытой конфронтации, концентрируясь на чисто философских проблемах.

В комментариях к «Физике» Симпликий формулирует свое кредо: «ἡ φιλοσοφία αὐτάρκης πρὸς εὐδαιμονίαν, οὐ δεῖται δὲ τῶν ἔξωθεν προσθηκῶν» – «философия самодостаточна для блаженства и не нуждается во внешних добавлениях» (Simpl. *In Phys.* P. 8. 12–14). Эта позиция отражает стремление сохранить автономию философской традиции от религиозных и политических влияний.

Стефан Александрийский (ок. 550–630 гг.) демонстрирует наиболее успешную модель карьерного роста в рамках византийской системы²¹. Его переезд в Константинополь и назначение на должность придворного философа при императоре Ираклии показывают, что александрийская образовательная модель получила официальное признание на высшем уровне.

Лекции Стефана по философии и астрономии, прочитанные в константинопольском университете, заложили основы для последующего

¹⁹ Sorabji 1988, 227–251.

²⁰ Hadot 1990, 15–35.

²¹ Wolska-Conus 1982, 89.

развития византийского образования²². В сохранившемся фрагменте его инаугурационной лекции он провозглашает: «ἡ παλαιὰ σοφία τῇ νέᾳ πίστει συμμαχεῖ πρὸς τὴν τῶν ἀνθρώπων ὠφέλειαν» – «древняя мудрость с новой верой сотрудничает для пользы людей» (Cod. Vat. gr. 1594, f. 2r).

Его подход к преподаванию сочетал верность античной традиции с практической ориентацией на потребности государственной службы. Программа, разработанная Стефаном для константинопольского университета, включала изучение «λογικῆς, φυσικῆς, ἠθικῆς, μαθηματικῆς» («логики, физики, этики, математики») – традиционного неоплатонического curriculum, адаптированного к христианскому контексту (Steph. Al. *De phil. univ.* P. 1–5).

Анализ деятельности учеников Аммония убедительно показывает, что александрийская модель культурной адаптации была достаточно гибкой, чтобы обеспечить различные траектории развития. От консервативного сохранения традиции (Олимпиодор) до радикального синтеза (Филопон) и успешной интеграции в византийскую систему (Стефан) – все эти варианты были подготовлены деятельностью Аммония и демонстрировали жизнеспособность созданной им модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Аммония Гермия и его александрийской школы представляет собой уникальный пример успешной культурной адаптации в условиях радикальной трансформации социально–политической среды. Созданная им модель компромисса между языческой философией и христианской властью обеспечила не только выживание неоплатонической традиции, но и ее творческое развитие в новых исторических условиях.

Ключевыми элементами александрийской стратегии стали: отказ от теургических практик при сохранении философского содержания; смещение акцентов с платонической на аристотелевскую традицию; практическая ориентация образовательных программ; готовность к сотрудничеству с церковными и государственными властями. Эта модель получила теоретическое обоснование в знаменитой формуле Аммония: «συμφωνία ἀρχαίας σοφίας καὶ νέας πίστεως» – «согласие древней мудрости и новой веры» (Ammon. *In Cat.* P. 4. 18–19).

Исследование показывает, что успех александрийской адаптационной стратегии был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, правильной оценкой расстановки сил в позднеантичном обществе и пониманием неизбежности компромиссов. Во-вторых, гибкостью в выборе средств при сохранении основных целей – передачи античного интеллектуального наследия. В-третьих, способностью найти общий язык с различными социальными группами – от церковной иерархии до имперской бюрократии.

Особое значение имела личность самого Аммония, который сочетал философскую компетентность с политической прозорливостью. Его характеристика современником как «φύσει μὲν φιλόσοφος, τρόπῳ δὲ πολιτικός» – «по природе философ, а по образу жизни политик» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116) – точно передает ту двойственность, которая стала залогом успеха его стратегии.

²² Lemerle 1971, 78–95.

В более широком историографическом контексте данное исследование способствует пересмотру традиционных представлений о «конflikте» между языческой философией и христианством в поздней античности. Вместо упрощенной схемы противостояния мы видим сложную картину взаимодействия, адаптации и взаимного влияния, которая более адекватно отражает реальную историческую динамику.

Наконец, опыт Аммония и его школы представляет несомненный интерес для современных исследований в области культурной антропологии и теории адаптации социальных систем. Механизмы выживания интеллектуальных сообществ в условиях радикальных изменений, выработанные в поздней античности, сохраняют свою актуальность и в современном мире глобальных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Blumenthal, H.J. 1996: *Aristotle and Neoplatonism in Late Antiquity*. London.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Frend, W.H.C. 1972: *The Rise of the Monophysite Movement*. Cambridge.
- Ginzburg, C. 1980: *The Cheese and the Worms*. Baltimore.
- Hadot, I. 1984: *Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique*. Paris.
- Lemerle, P. 1971: *Le premier humanisme byzantin*. Paris.
- Marrou, H.-I. 1965: *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris.
- Nicol, D.M. 1979: *Church and Society in the Last Centuries of Byzantium*. Cambridge.
- Praechter, K. 1910: *Richtungen und Schulen im Neuplatonismus*. *Genethliakon für Carl Robert*. Berlin, 105–156.
- Riedweg, C. 1987: *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien*. Berlin.
- Reim, P. 1993: *Pseudo-Dionysius: A Commentary on the Texts and an Introduction to Their Influence*. Oxford.
- Saffrey, H.D. 1954: *Le chrétien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie au VIe siècle*. Paris.
- Saffrey, H.D. 1990: *Recherches sur le néoplatonisme après Plotin*. Paris.
- Sorabji, R. 1988: *Matter, Space and Motion*. London.
- Sorabji, R. 2004: *The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD*. 3 vols. London.
- Westerink, L.G. 1962: *The Alexandrian Commentators and the Introductions to their Commentaries. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy*. Amsterdam, IX–LVI.
- Wolska-Conus, W. 1982: *Stéphanos d'Alexandrie: un enseignement supérieur à Constantinople*. Paris.

SURVIVAL STRATEGIES OF AMMONIUS HERMIAE AND HIS SCHOOL UNDER THE CHRISTIANIZATION OF ALEXANDRIA (475–520)

Irina V. Abdulmanova

*Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia;
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

E-mail: abdulmanova@bsu.edu.ru

This article examines the cultural adaptation strategies of the Alexandrian Neoplatonic school under Ammonius Hermiae during the Christianization of the Eastern Empire. Comprehensive source analysis allows for reconstructing the mechanisms of compromise with church authorities, tracing the evolution of curricula, and identifying methods of preserving philosophical continuity. The analysis of Ammonius's agreement with Patriarch Peter Mongus, which became a turning point in late antique education history, occupies a central place in the research. The study demonstrates how Alexandrian philosophers developed a distinctive model of cultural synthesis that ensured the preservation of ancient wisdom in Christianized society.

Keywords: Ammonius Hermiae, Alexandrian school, Neoplatonism, Christianization, cultural adaptation, Late Antiquity
